

СОВЕТСКАЯ ЭПОХА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ АВТОРОВ

Статья посвящена феномену современного православного антисоветизма. Автор определяет его место в социальной стратегии и внутренних разногласиях Русской Православной Церкви.

Введение

Удаляясь в прошлое, советская эпоха (1917 – 1991 гг.) все еще привлекает внимание людей, ее переживших. Очень часто она становится темой для принципиальных заявлений и острых дискуссий в Русской Православной Церкви (РПЦ). И то, что говорят о ней церковные иерархи и проповедники, историки и публицисты, может дать важную информацию об актуальном состоянии самого русского православия. Данная статья представляет, по сути, первую попытку использовать эту возможность в целях научного исследования. Нами был рассмотрен широкий круг источников, относящихся к РПЦ (ее официальные документы, популярные издания, высказывания авторитетных лиц), но ограниченный формат статьи позволит процитировать лишь некоторые из них.

Основная часть

В настоящий момент критика советского строя воспринимается в РПЦ как норма православной жизни, а ностальгия по СССР – как признак недостаточной воцерковленности. Между тем “Журналы Московской Патриархии” еще 20-летней давности полны совсем другого социального пафоса. Их чтение способно стать серьезным испытанием для нашего современника, убежденного в том, что Церковь есть “столп и утверждение истины” (1 Тим. 3,15).

РПЦ старается забыть свое “октябрьское богословие” 1960 – 1970-х гг., включавшее российскую социалистическую революцию в Божественный план спасения человечества. Не видно православных авторов, желающих повторить вслед за митрополитом Вениамином (Федченковым) (1880 – 1961), что русский народ принял советскую власть “государственно сознательно по причине своего ... здорового мужицкого смысла” [1, с. 157]. Тон задают те, кто считает 1917 год моментом величайшего грехопадения народов России, которые поверили коммунистической демагогии, устремились за предателями и палачами своего Отечества. Героями православных изданий стали белогвардейцы, с оружием в руках поднявшиеся против “утопии, которая не просто соблазняла русский народ, но разрушала его душу, извращала его суть...” [2, с. 11].

В церковной литературе теперь лишь изредка можно найти признание того, что строительство социализма в бывшем СССР было созвучно положительным установкам и традициям восточнославянской культуры, сформировавшимся под влиянием православия. Например, так считает российский экономист и политик С. Глазьев, близкий к Московской Патриархии [3, с. 25]. Но большинство православных авторов рассматривают социализм советского образца, нацеленный на достижение коммунизма, как дьявольскую пародию на христианство и ищут его предшественников среди еретических движений и языческих мифов. Распространенное мнение озвучивает профессор МДА М. Дунаев, по словам которого, “...идеал коммунистического рая – проявление, как известно, древней хилиастической ереси – а что из ереси может явиться доброго?” [4, с. 41]. Такая постановка вопроса, очевидно, означает, что преодоление в СССР массовой нищеты и безграмотности, снижение детской смертности и творчество коммуниста Шолохова не имеют никакой ценности. Метафора “земного рая”, который замыслили коммунисты, гипнотизирует многих православных, однако они не могут убедительно объяснить, почему, например, строительство в СССР доступного жилья для трудящихся есть проявление хилиазма, а возведение царских или “новорусских” дворцов – нет.

Православные авторы склонны недооценивать позитивную программу и прагматические аспекты советского строительства, связанные с решением насущных проблем и удовлетворением неизвращенных потребностей миллионов людей. В истории советского периода они видят, прежде всего, массовые страдания и убийства, которые объясняют почти исключительно особенностями коммунистической доктрины и преступной волей вождей-атеистов. Их масштаб, безусловно, огромный, еще больше преувеличивается. По утверждению публициста А. Залесского, “когда счет жертв идет на миллионы, точность не так уж и важна, – достаточно и одного миллиона невинно убиенных, чтобы советская власть утратила моральное право на существование” [5, с. 57].

Этот аргумент популярен среди представителей Церкви, однако они не хотят быть последовательными. Ведь руководствуясь таким строгим критерием, трудно найти на земле социальную систему или политический режим, имеющий моральное право существовать. Не является исключением ни Византия, которую воспел в своем фильме "Гибель империи. Византийский урок" (2008 г.) архимандрит Тихон (Шевкунов), ни Российская империя. Можно вспомнить, что в годы гражданской войны противники большевиков осуществляли ширококомасштабные репрессии, и что развитие капитализма сопровождалось бесчисленными преступлениями против человечества. Таким образом, у антикоммунистической альтернативы тоже не было морального права на победу в нашей стране – ни в 1917 году, ни в 1991.

Парадокс православного антисоветизма можно увидеть в том, что Церковь оказывается способной ужиться с рабовладельческими и феодальными империями, с капитализмом иудейских и протестантских истоков, но только не с обществом, которое осудило эксплуатацию человека человеком и провозгласило идеал всеобщего братства. И хотя история Византии знала и массовые политические репрессии, и жестокие гонения на верующих, однако не ее, а советскую эпоху требует признать всецело преступной известный православный миссионер и публицист игумен Петр (Мещеринов). На страницах "Церковного вестника", официального органа Московской Патриархии, он даже призвал ввести уголовное наказание для тех соотечественников, кто будет упорствовать в своих симпатиях к советскому строю [6].

Чем может объясняться такой накал православного антисоветизма, более заметный, кстати, у относительно молодых авторов, тех, кто не испытал лично ни сталинских репрессий, ни хрущевского антирелигиозного погрома? Представляется, что так выражает себя не только желание восстановить историческую правду и высказать то, что исключалось цензурой советского времени. Православные активно используют антисоветскую критику для того, чтобы реализовать свои социальные претензии и проекты в новых исторических условиях.

Напоминая о бедствиях советского периода, церковные апологеты пытаются дискредитировать и остановить процесс секуляризации, который продолжается и "после СССР". Так, митрополит Иларион (Алфеев), новоназначенный глава синодального Отдела внешних церковных связей, уверяет, что в основе современного светского гуманизма лежит все та же ложная антропология, которая уже "стала основной причиной зверств сначала французских революционеров, а затем и коммунистов, и нацистов" [7, с. 41]. По его убеждению, разделяемому и другими православными авторами, опыт советской эпохи засвидетельствовал, что православное христианство неотделимо от исторических судеб восточнославянских народов, и попытка проигнорировать или разорвать эту связь грозит нам очередной национальной катастрофой.

Горестные рассказы о том, как безбожники разоряли Церковь, сопровождают просьбы помочь ей возродиться. Антисоветская риторика

представителей РПЦ отвечает интересам властных элит, возвысившихся за счет разрушения СССР (исключение – ситуация в Беларуси). Она должна помешать либералам-западникам, которые пытаются изобразить РПЦ “осколком” советского тоталитаризма, а также отразить вызов “альтернативного православия” (непримиримых “зарубежников”, “автономистов”, “катакомбников”), сделавших ставку на еще более воинственный антисоветизм.

Кроме того, мрачный образ советской эпохи является важным атрибутом полемики внутри самой РПЦ. И православные фундаменталисты, и модернисты, и сторонники патриархийного “мейнстрима” пытаются с его помощью дискредитировать позицию другой партии, а программу своей – представить в выгодном свете. Соответственно, утверждается, что советское лихолетье на практике подтвердило или, наоборот, опровергло: “русскую идею”, необходимость демократизировать управление РПЦ, курс на сближение с инославными и т.п. Этот хаос мнений наполняет не только православную литературу, но и массовое сознание церковного народа.

Православные фундаменталисты исходят из мифологемы “Москва – Третий Рим”, считая русскую монархию, как она сложилась в допетровский период, совершенной христианской империей. Многие из них полагают, что царская власть служит тем “удерживающим”, который, согласно апостолу Павлу (2 Фес. 2, 3-8), не дает войти в мир антихристу. Предав своего монарха в феврале 1917 г., русский народ (в широком смысле – все восточные славяне) заслужил свои дальнейшие страдания под властью коммунистов. “На согрешившую Россию была наложена епитимия” [8, с. 138], – пишет С. Фомин, составитель сборника материалов, посвященного Сергию (Страгородскому). По убеждению С. Фомина, митрополит (в 1943 – 1944 гг. – Патриарх) Сергей вел РПЦ под ударами безбожной власти, ясно сознавая, что таким образом вершится справедливый Божий Суд.

Целый ряд авторов-фундаменталистов (О. Платонов, М. Назаров, К. Душенов и т.д.) считают, что советский проект приобрел разрушительный характер, главным образом, из-за участия в нем большого числа людей, воспитанных иудаизмом. Еще в 1994 г. приобрела шумную известность книга митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) “Самодержавие духа”, на страницах которой Октябрьская революция была охарактеризована как акт борьбы “жидовства” с христианством [9, с. 267]. Московская Патриархия дистанцируется от подобных идей, навлекающих обвинение в антисемитизме, но они имеют немалый резонанс в церковной среде.

Любопытный зигзаг фундаменталистской мысли представляет собой “православный сталинизм”. Его сторонники полагают, что советский вождь И. Сталин сыграл роль “Божьего бича”, который “хлестал” народ, предавший православную веру предков. Сталин разгромил коммунистов-космополитов и начал строить СССР как великую империю, где

нашлось место и для РПЦ. “Красный царь” хотя бы на время смог опустить “решетку”, отгородившую восточнославянскую цивилизацию от тлетворных западных влияний.

“Православный сталинизм” имеет определенные перспективы развития в Церкви, которая устами своих иерархов обличает “диктатуру греха”, установившуюся на Западе, и беспокоится о государственной мощи России. Ему благоприятствует и социальный состав верующих, многие из которых сознают себя жертвами не столько советской власти, сколько антисоветских реформ, проведенных по западным образцам и советам. Впрочем, эта идейная тенденция до сих пор не получила всецелого признания даже в фундаменталистских кругах РПЦ (например, см. [10]). Тем более, ее осуждают церковные либералы и модернисты, которые в связи с этим говорят об опасном националистическом уклоне современного русского православия.

Для церковного историка и члена Синодальной комиссии по канонизациям о. Георгия Митрофанова сталинский тоталитаризм явился наивысшим выражением лжи, бесчеловечности и душевредного соблазна коммунистической утопии. Советский коммунизм при Сталине обнаружил свои фашистские потенции, пытаясь скрестить террористическую диктатуру с подобием национальной идеи. Мало того, он даже сумел “презойти в XX веке дьяволизм фашизма” [11, с. 126], поэтому о. Георгий находит слова извинения и сочувствия для т.н. “власовцев”, выступивших против сталинского режима в составе гитлеровских войск.

Г. Митрофанов – уважаемый представитель патриархийного “центра”, но последняя его мысль, даже поддержанная Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей, не может стать официальной позицией всей РПЦ, поскольку разрушает один из важнейших, идеологически-выигрышных аспектов ее имиджа. Православные апологеты подчеркивают, что во время войны с нацистской Германией Церковь проявила свой исконный патриотизм и мудрость, поддержав советское государство молитвой, проповедью и пожертвованиями. Если же принять логику о. Георгия, то получается, что в 1941 – 1945 гг. РПЦ приняла сторону наибольшего зла. Вот почему Патриарх Московский и всея Руси Кирилл должен был решительно вмешаться в спор вокруг книги Г. Митрофанова “Трагедия России” и заявить о том, что нацизм в плане человеконенавистничества далеко превзошел сталинский режим [12].

Отдельный и очень болезненный вопрос – ответственность дореволюционной Церкви за катастрофу советского периода. Она очевидна для тех, кто призывает к серьезной модернизации церковной жизни. В известной книге “Побелевшие нивы” (1994 г.), названной критиками “манифестом неообновленчества”, ее автор о. Александр Борисов утверждал, что многие мнимо православные ценности были впитаны советским обществом в секуляризованном виде. Так, например, «идея един-

ственно “истинной веры” соответствовала идея “единственно верного марксистско-ленинского учения”» [13, с. 149].

Представители либерально-модернистского крыла РПЦ (о. А. Борисов, о. Г. Кочетков, о. П. Мещеринов и др.) сожалеют о том, что Октябрьская революция сорвала осуществление церковных реформ, намеченных Поместным Собором 1917 – 1918 гг. В то же время их оппоненты предлагают увидеть здесь благое проявление Божественного Промысла, который пресек движение к православному “Аджорнаменто”. Вторая точка зрения сейчас является преобладающей. В значительной мере это связано с тем, что РПЦ в 1990-е гг. наполнилась людьми, которые искали за церковной оградой безусловный авторитет, несомненную уверенность, жизненную стабильность и не хотели повторения здесь чего-то, напоминающего “перестройку”.

Церковный историк модернистской ориентации Д. Поспеловский с тревогой пишет о том, что советская эпоха до сих пор не получила развернутую церковную оценку на уровне соборных определений. Хорошим поводом для этого мог стать Юбилейный Архиерейский Собор (2000 г.), который канонизировал новомучеников и исповедников Российских, а также принял “Основы социальной концепции РПЦ”. Но даже “французским революциям XVIII – XIX столетий место в социальной концепции РПЦ нашлось, а для анализа коммунистической власти и позиции церкви при ней ... не нашлось” [14, с. 646]. По мнению Поспеловского, с которым солидаризуются и многие авторы-фундаменталисты, руководство Московского Патриархата не желает гласно извлечь уроки из истории советского периода, поскольку боится поставить Церковь на путь перемен и при этом лишиться власти.

Впрочем, эта ситуация может измениться уже в ближайшее время. Патриарший престол в РПЦ занял человек, имеющий репутацию реформатора и постоянно напоминающий, что он – сын и внук христиан, репрессированных советской властью. Ближайший сподвижник Патриарха Кирилла митрополит Иларион (Алфеев) не скрывает, что в молодости он был активистом литовского антикоммунистического движения “Саудис”. Такие люди способны вывести советское прошлое на суд не только православных историков, но и церковных соборов.

Заключение

Представляется очевидным, что тема советской эпохи одновременно привлекает и пугает православных христиан – привлекает возможностью обличить ущербность атеизма и церковного инакомыслия, а пугает необходимостью выговорить горькую для себя правду о своей Церкви и своем народе. В православной критике советского строя есть много справедливого, но зачастую она имеет тенденциозный и конъюнктурный характер, формирует упрощенную черно-белую картину мира. Стремясь поскорее расстаться с тяжелым для РПЦ историческим наследием, некоторые православные авторы демонизируют большой отрезок отечествен-

ной истории и, тем самым, блокируют доступ к позитивному опыту и нерастраченным ресурсам советского проекта.

Анализ показывает, что РПЦ пока с трудом дается роль духовного лидера постсоветского общества, на которую претендуют ее руководители и идеологи. Концептуальная мысль русского православия несет значительный отпечаток конфессиональной узости и церковно-партийной пристрастности, что в целом ряде случаев приводит к неадекватному восприятию социально-исторической реальности. В своих собственных рядах РПЦ не может добиться устойчивого идейного консенсуса по принципиальным вопросам церковной и светской жизни. Хотя, с другой стороны, ее внутренние споры свидетельствуют, что она не превратилась в самодовольно-непогрешимую и монолитную секту, где невозможны свобода мысли и напряженный поиск истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – М.: Изд-во "Отчий дом", 1994. – 448 с.
2. Протоиерей Георгий Митрофанов. Трагедия России. "Запретные" темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. – СПб.: Моби Дик, 2009 – 240 с.
3. **Глазьев, С.** Строить общество на алчности нельзя / С. Глазьев // Православная беседа. – 2003. – № 5. – С. 24-27.
4. **Дунаев, М.** Коммунистическое "христианство" / М. Дунаев // Православная беседа. – 2004. – № 5. – С. 41-46.
5. **Залесский, А.** Ностальгия по советскому времени. Прилична ли она для верующего человека? / А. Залесский // Православная беседа. – 2006. – № 1 – С. 51-57.
6. **Игумен Петр (Мещеринов).** Вспоминая 1937-й // Церковный вестник. – 2007. – № 15-16 (364-365). – С. 11.
7. **Епископ Иларион.** Корни современного гуманизма // Православная беседа. – 2005. – № 4. – С. 38-41.
8. Страж Дома Господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский) / авт.-сост. С. Фомин. – М.: Правило веры, 2003. – 1008 с.
9. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. – СПб.: Изд-во Л.С. Яковлевой, 1994. – 352 с.
10. **Назаров, М.** Сталин – плоть от плоти жидобольшевизма? (послесловие к дискуссии о "православном сталинизме") // www.rusprav.org/2006/new/148.htm
11. **Протоиерей Георгий Митрофанов.** Россия XX века – "Восток Ксеркса" или "Восток Христа". Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX века. – Ростов на/Д: Троицкое Слово, 2004. – 318 с.
12. **Диакон Владимир Василик.** Патриарх не дал написать Евангелие от Иуды для русской истории // www.rusk.ru/st.php?idar=114456
13. **Борисов, А.** Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви / А. Борисов. – М.: Путь, 1994. – 196 с.

14. *Поспеловский, Д.* Тоталитаризм и вероисповедание. – М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2003. – 660 с.

Поступила в редакцию 26.01.2010 г.